

«КАТАСТРОЙКА» И ЕЕ ОТЦЫ

«Война — Победа. Россия — Запад» — так называлась беседа с Александром Зиновьевым, где речь шла о неудавшейся попытке капиталистического мира в лице фашистской Германии и ее сателлитов уничтожить нашу страну в годы Второй мировой войны, которая стала для нас Великой Отечественной. Тогда коммунистическая линия социальной эволюции, говоря словами А. Зиновьева, одержала победу над капиталистической, западнистской. И таким образом, опять-таки по выражению моего собеседника, завершился первый этап эпохальной социальной войны западного капиталистического мира (западнизма) против коммунизма.

Однако этим, как мы знаем, агрессивные намерения Запада в отношении Советского Союза не кончились! Второй этап глобальной его войны против нас начался сразу после завершения Великой Отечественной, получив название холодной войны. И ее результат оказался уже не в нашу пользу. Почему? Вновь и вновь обращаемся мы к этому вопросу сегодня. Ведь в нынешнем году исполняется ровно двадцать лет с начала горбачевской перестройки, которую А. Зиновьев назвал «катастрофой».

В.К. *Итак, Александр Александрович, в этом году сошлись 60-летие Великой Победы, то есть величайшей славы нашей, и 20-летие начала нашего поражения. Думаю, многие у нас в стране размышляют о том, как такая беда могла произойти. Надо глубже и точнее понять причины поражения, чтобы после него перейти в наступление. Именно так действовало советское руководство в годы Великой Отечественной войны. Ну а сегодня на руководство нашей страны надеяться не приходится — надо думать самим. Задам такой вопрос: какую роль в разрушении СССР сыграла холодная война и в какой связи она оказалась с начатой двадцать лет назад катастрофой?»*

А.З. После Второй мировой продолжилась война против нашей страны, но другими методами. Ведь Черчилль так и сказал тогда: в обычной войне мы русских победить не сможем. И вот была изобретена эта новая форма войны. Затяжная, она продолжалась почти полвека. За эти годы происходила эволюция Советского Союза, эволюция советского социального строя, и Запад тоже эволюционировал. Все эти факторы надо принимать во внимание. Десятки, сотни различных факторов, которые действовали совместно. Какой-то одной причиной происшедшее не объяснишь — это было бы примитивно, это донаучный уровень.

К началу горбачевского правления накопилась некоторая совокупность факторов, ставших основой для последующего перелома. Факторы эти можно разделить на две категории: внешние и внутренние. Впрочем, они оказались воедино слиты, поскольку холодная война отражалась внутри страны и, в свою очередь, внутреннее развитие влияло на ход холодной войны. Приведу примеры, скажем, внутренних факторов. Эти годы не были вовсе временем застоя, провала, как иногда говорят. Ничего подобного! Это был колоссальный прогресс. Я уж не буду приводить такие факты, как космические полеты, водородная бомба и так далее. Только один штрих. В сравнении со сталинскими годами к концу брежневского правления число объектов, подлежащих управлению, увеличилось во много раз.

В.К. *Индустриальных объектов, научных?*

А.З. Всех, которыми нужно было управлять. Сюда входят кафедры, лаборатории, школы, больницы... Как минимум управляемых объектов стало больше в 300 раз. Знаете, когда сравнивают какое-то время, например, с 1913 годом и приводят какой-нибудь один параметр — допустим, производство хлеба — и тем самым хотят показать, что дореволюционная Россия была на вершине, это все жульнические приемы.

Так вот, если сравнивать то, что производилось в конце брежневского периода в Советском Союзе, с тем, что было накануне Первой мировой войны, то доставшееся нам в наследство от прошлой, дореволюционной российской истории со-

ставляло меньше одного процента. То есть больше 99 процентов было создано в советский период!

В.К. *Колоссально.*

А.З. Это неоспоримый факт. А управленческий аппарат увеличился всего в два раза, даже меньше. И это — один из тех факторов, которые сыграли свою негативную роль. За десять лет до Горбачева я писал и говорил об этом. И в ЦК писал, и в президиум Академии наук. Куда-то все исчезало! А я писал, что назревает кризис.

Высказывал мысль о том, что это будет первый истории коммунистический кризис, поскольку коммунизм считался бескризисным, что нужно принимать меры, иначе это может кончиться катастрофой. Все это оценили как клевету на советское общество. Между тем, среди мер, которые я предлагал тогда, была и такая: увеличить управленческий аппарат. Надо мной хохотали...

В.К. *А что еще вы относите к внутренним причинам кризиса?*

А.З. Страна обогащалась. И мне становилось все яснее: чем богаче будет страна, тем острее будут социальные различия. Так и происходило: возникновение привилегированных слоев, номенклатура, дачи, машины... Происходило расслоение населения. Причем у богатых, зажиточных слоев аппетиты разрастались быстрее, чем удовлетворялись. Они смотрели на Запад, им хотелось того же самого!

Тем самым создавалась ударная сила контрреволюции. Ведь контрреволюционный переворот при Горбачеве осуществили сверху, а не снизу. Не народные массы, им это и в голову не приходило. И возглавили переворот кто? Генеральный секретарь ЦК КПСС и его пособник — фактически второй человек в партии, секретарь ЦК по идеологии Яковлев. Я об этом много писал, еще находясь на Западе, и с вами мы на эту же тему говорили. «Пятая колонна» сложилась наверху во главе с самими членами Политбюро. Фактически они сдали страну без боя, предали, перебежали на сторону противника и отдали Родину на растерзание врагам. Эта тема занимает большое место в только что вышедшей моей книге «Распутье».

В.К. Ну а если перейти к внешним факторам? Что среди них особенно повлияло на поражение СССР?

А.З. Запад тоже не стоял на месте. На Западе происходил огромный прогресс. Именно существование Советского Союза и холодная война Запада против него способствовали этому.

В.К. А как вы связываете это с холодной войной?

А.З. Действовал такой закон, который я называю законом взаимного уподобления воюющих противников. Вот и Запад в чем-то уподоблялся Советскому Союзу. Влияние Советского Союза было колоссальным! То есть Запад, по существу, заимствовал из советской истории, из советского опыта очень многое. А теперь делают вид, как будто они сами все это открыли.

В.К. Планирование, например?

А.З. И не только. Действительно многое. В результате получилось так, что уровень планирования в западных странах оказался не ниже, а даже выше, чем в Советском Союзе. Когда начали ломать советскую систему, наши «реформаторы» приезжали на Запад и удивлялись: «Ой, да у вас, оказывается, планирование!»

В.К. Хватились, что называется.

А.З. Вот именно. Ведь Советский Союз сложился не просто как рядовое общество. Это было объединение очень высокого уровня, сверхобщество. И Запад под влиянием Советского Союза эволюционировал тоже по направлению к сверхобществу.

В.К. Александр Александрович, вы говорили мне, что задолго до тех катастрофических событий писали о том, что такого рынка, каким его представляют у нас в стране, на Западе уже нет.

А.З. Да, я уже занимался Западом, у меня были работы по теории Запада. И я предупреждал своих соотечественников: западный мир теперь не такой, каким вы его себе представляете. С этого у меня начиналась книга «Запад». В западном мире происходили и централизация экономики, и планирование, использовались командные методы, система власти

принимала все более советскообразный вид и так далее. Надо сказать, что Запад в социальном отношении сильно отставал от нас, он отстал почти на 50 лет, потому многое и перенимал. И победы Запада связаны с тем, что он во многом пошел по тому же пути, по которому шел Советский Союз. То есть западные страны стали превращаться в сверхобщества. Это и есть важнейший фактор их победы.

В.К. *Это не так-то просто понять.*

А.З. У нас не понимали этого, а западная пропаганда все время навязывала нам образ такой демократии, какой не было на самом деле, образ рынка, которого на самом деле не было. Недостаточный интеллектуальный уровень высшего руководства, неглубокий анализ реальности — тоже факторы нашего поражения.

Вот что происходило. Запад усиливался, в Советском Союзе назревал кризис, хотя прогресс шел, никакого застоя не было. Это все чепуха и вранье. Но сработали такие факторы, как идеологическое разложение наверху и образование «пятой колонны» Запада. И сыграл роль фактор предательства. Обычно предательство рассматривается в категориях морали или в юридических понятиях. В данном случае перед нами предательство как социальное явление. Поскольку оно стало массовым, то есть захватило многих, оно стало фактором социальным, и он сыграл большую роль.

Чем занимался Горбачев, когда пришел к власти? Он разрушил партийный аппарат и, в конце концов, перевел высшую власть на уровень Верховного Совета. Фактически при Горбачеве началось уничтожение сверхвласти. Партийный аппарат у нас — это была власть, а совсем не то, что партия западная. С этого началось разрушение советской системы власти. Это сверху проходило. Западные инструкторы, конечно, умело манипулировали верхами.

В.К. *Что это было — явление Горбачева двадцать лет назад?*

А.З. Это была холодная война, перешедшая, по моему определению, в стадию «теплой» войны. К средствам холодной войны присоединились новые средства. Важную роль здесь

сыграли диверсионные операции огромного масштаба. Проведение самого Горбачева на пост генсека — это была диверсионная операция. Его именно провели на пост Генсека. Если посмотреть, как западные службы работали над советским Кремлем, то тут сомнений никаких быть не может.

В.К. *Его высмотрели, разглядели?*

А.З. Его давно высмотрели. Не хочу копаться в детективном сюжете, но это так.

В.К. *И Яковлева, конечно?*

А.З. Да, это люди Запада. Горбачев, по существу, сдал страну. Я не знаю, как это выглядело формально, но о том, что вместе с ним началась эпоха предательства, я говорил еще в 1984 году, когда Горбачев, будучи в Англии, не пошел на могилу Маркса. Я комментировал для прессы это событие и сказал, что начинается эпоха предательства. Первый коммунист и будущий глава коммунистической страны не пошел на могилу основателя коммунистической идеологии — это предательство!

В.К. *А его встречи с Тэтчер тогда?*

А.З. Конечно. И к тому времени в стране уже сложилась такая обстановка, что он был не одиночка. Много людей уже были готовы к капитуляции, к предательству, были заражены этим: Шеварднадзе, тот же Яковлев и другие, интеллигенция, особенно идеологическая... Так что сложилась целая армия предателей.

В.К. *«Катастройка» была, в общем, готова?*

А.З. Когда был употреблен термин «перестройка», я сразу же сказал: это «катастройка». Уже в 1988 году вышла моя книга «Горбачевизм». А до этого было опубликовано более 50 статей на десятках языков мира на эту тему. Люди не видели многого и не понимали, потому что мозги были затуманены. Да и не хотели понимать. До Горбачева на Западе планировали разрушение советской системы к середине XXI века.

В.К. *Горбачев ускорил все?*

А.З. Появление Горбачева, когда, как он выразился, «процесс пошел», стало катализатором. Кстати, я предполагал, что будет именно такой оборот. Во время одного из моих высту-

плений на Западе мне был задан вопрос о самом уязвимом месте в советской системе. Я ответил, что самое уязвимое место — партийный аппарат, считающийся самым крепким. В зале начался смехок. А в партийном аппарате, продолжил я, ЦК КПСС. Смех усилился. Продолжаю: а в ЦК КПСС — Политбюро, а там — генсек. Он за полгода может развалить всю страну. Так оно и получилось! Но я-то не знал тогда, что у них свой человек уже был на примете. Они его растили не спеша...

В.К. *До подходящего момента?*

А.З. Имейте в виду, что переворот ведь не в один день случился, все происходило постепенно. Каждое мероприятие по отдельности не вело к краху. Так, все горбачевские махинации с системой власти ведь на пленумах ЦК обсуждались. Собирались сотни людей. Что же, они слепые все были?

Процесс разгрома обсуждался, безусловно, и со стороны западных спецслужб. Они, конечно, контролировали все, что происходило, и достаточно осторожно это делали. Действительно, каждое отдельное событие не вело к катастрофе, но они накапливались все больше и больше. А следующие диверсионные операции спровоцировали этот «путч» ГКЧП.

Я в тот же день писал, что произошло два путча: один — провокационный, видимый. Что это за путч, если танки пришли без снарядов, без патронов, то есть танки, из которых нельзя стрелять? Это не танки, а материал для пропаганды. И одновременно происходил другой путч, возглавлявшийся Ельциным, реальный политический путч. Посмотрите об этом мои статьи в новом сборнике «Распутье».

В.К. *А как вы смотрите с точки зрения сегодняшнего дня на все эти «оранжевые» и прочие цветные революции, на то, что произошло в Грузии, на Украине, в Киргизии, на попытку, предпринятую в Узбекистане? Как вы это оцениваете?*

А.З. Дело вот в чем. Основные события произошли у нас. После 1991-го и особенно 1993 года началось стремительное разрушение советской социальной системы, образовалась новая система власти, разрушена экономика, проведена приватизация, отменена советская идеология, мутным потоком устремилась идеология западная. Короче, идет стремительное

падение страны во всех отношениях. В материальном отношении — вы это прекрасно знаете. Но, кроме того, идейная деградация людей, моральное разложение и физическое вымирание населения.

В.К. *То, что не удалось сделать в 1945 году Гитлеру, удалось сделать сейчас?*

А.З. Удалось. Другими методами, более для них успешными. Причем те, кто разгромил наш Союз, выглядят даже спасителями — дескать, благодетельствовали нас.

Вот что произошло. В результате этого разгрома Россия оказалась не способной себя защищать. Естественно, оживилась в мире всякая мразь. И то, что сейчас творится на постсоветском пространстве — неизбежное следствие этого.

В.К. *Плоды?*

А.З. Да, последствия. Кто-то придает этому значение: может, мол, и в России быть такое же. Так ведь в России самое страшное уже произошло! Россия разгромлена, хуже не бывает. А то, что там происходит, — это все спектакли, которые устраивает западный мир, преследуя те или иные частные цели, осуществляя свою мировую агрессию. Это все пустячки по сравнению с тем, что произошло.

И не стоит удивляться, что всякая мразь — из прибалтийских республик, с Украины, из Грузии, отовсюду — предъявляет России какой-то счет. Это значит, что Россия не может оказать сопротивление и дать должный отпор, вот и хотят вырвать у нас какие-то куски.

В результате разгрома Советского Союза, его социальной системы, в результате того, что произошло в горбачевско-ельцинское время, победители, включая не только западных хозяев, но и внутреннюю «пятую колонну», отдали страну на растерзание мародеров. В политической сфере — политическим мародерам, в экономической — экономическим мародерам и в идеологической сфере — идеологическим мародерам. И то, что стало происходить в стране, — это разграбление. Грабеж. В данном случае это не просто ругательное слово, а точная социологическая характеристика. «Грабеж» здесь — это научный термин.

Вот, например, стали проводить приватизацию. Но ведь это же не экономическая операция была! Одно дело, когда создавались крупные капиталы в течение десятилетий и столетий по законам экономики, — это один процесс. А в данном случае богатство, которое было создано миллионами советских людей за 70 лет, просто расхватали. Это дележ добычи теми, которые захватили власть, страну!

То же самое происходит в области идеологии, то же и в системе власти. Так что, как бы власть ни усиливалась, она усиливается для себя. Не о безопасности страны они думают, а о своей собственной. Если же говорить об управляемости страной, то та система власти, которая существует, не способна управлять. И вот пышным цветом стал расцветать показной, театральный аспект жизни, имитационный. Вроде что-то делается, а на самом деле — пыль в глаза.

И каждый день какой-то праздник, какие-то награды вручаются. Такое впечатление, будто идет бурная жизнь. А в действительности — бурное разложение страны. Это пир во время чумы!

В.К. *Нужна мобилизация народа, чтобы добиться перелома?*

А.З. Нелегко добиться перелома. Я в таких условиях вспоминаю начало войны. Нас окружили превосходящие силы немцев, у нас плохое оружие. Казалось бы, мы были обречены. Одни сказали: мы обречены — и пошли сдаваться немцам. Немцы всех их убили. Другие сказали: да, мы обречены и поэтому будем сражаться до конца. И прорвались, какая-то часть вырвалась. Так вот, сегодня от людей нередко слышишь: надо надеяться, кто-то все-таки нам поможет, кто-то принесет свободу. Никто не принесет, никто помогать нам не будет. Все союзники наши бывшие, которым мы помогали, которых вскармливали и которые жили за счет русских, они будут теперь нас поливать грязью и грабить как только можно — грабить во всем: в материальном отношении, в культуре, в идейном отношении. Им уже навязана идеология и психология шакалов. Им дали понять: вот вам, рвите, кромсайте. И они действуют. Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. А что

это значит? Прежде всего — нужно мозгами шевелить. Выдвигаю такой лозунг: надо переумнить наших врагов!

Да, на мой взгляд, главное оружие у нас сегодня — наши мозги. Надо как следует разобраться, понять на научном уровне, что такое был наш советский социальный строй, в чем его колоссальные преимущества и почему он рухнул. Что получилось после этого, каковы дальнейшие намерения Запада в отношении России, куда идет процесс, на что можно рассчитывать? Вот все это нужно понять. И находить, изобретать средства сопротивления в соответствии с этим пониманием.

Чтобы правильно поступать, надо правильно понимать. Понимать, понимать и еще раз понимать! И постепенно накапливать силы понимающих. Детей учить нужно, молодежь. Вы посмотрите, что делают с нашей системой образования. Значит, здесь необходимо максимальное противодействие. Словом, надо накапливать интеллектуальный потенциал сопротивления. С учетом прошлого и на новом материале, с новым опытом.

В.К. *Вы сами можете участвовать в создании такого потенциала?*

А.З. Мне уже много лет. Очень остро переживаю все, что произошло с моей Родиной. Но я работаю по мере сил. Постараюсь работать и дальше.

«Правда», 18 августа 2005 г.